

Художник-мыслитель

НА СВОЕМ портрете, подаренном одному из актёров Художественного театра, К. С. Станиславский написал:

«Я люблю вас за то, что вы любите искусство в себе, а не себя в искусстве».

Вряд ли возможно назвать деятеля театра, к которому эта надпись шла бы больше, чем к самому Станиславскому.

Он любил искусство пламенной, могучей, самоотверженной любовью, и свою жизнь, мысль, волю, творческий гений — всё отдал он искусству. Никакого другого названия не может быть у его жизнеописания, как «Моя жизнь в искусстве», потому что никакой другой жизни не было у Станиславского, кроме жизни, целиком отданной театру.

Он был наделён огромным талантом актёра. Увидев Станиславского в «Докторе Штокмане» Ибсена, величайшая русская артистка Ермолова писала: «Играет, как великий актёр». Посмотрев Станиславского в «Отелло», один из самых прославленных исполнителей произведений Шекспира — Эрнесто Росси сказал ему: «У вас есть всё для этой роли». Станиславский был актёром без ампулы, потому что он был художником полной правды, глубокой простоты и ясности. Всё — от низменной страсти до высокой мечты, от унылого бытования до возвышенного горения сердца и разума — всё было доступно Станиславскому-актёру — вот почему в его репертуаре рядом с благородным мечтателем Вершининым («Три сестры») стоит тупой генерал Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты»), а мольтеровский «Мнимый больной» уживается рядом с Сатинным («На дне»).

Огромный талант актёра давал Станиславскому почётное место на любой из лучших сцен мирового театра, но в этом актёре жил великий искатель правды, ненавистник театральной фальши, в нём жил освободитель театра от вековых пут рутин. Станиславский мог играть лишь на подмостках нового театра, освободённого от плена слепых традиций и тупых шаблонов, и он создал такой театр, новый от самого основания.

Сорок пять лет назад Художественный театр, возглавляемый Станиславским, начал новую главу в истории мирового театра.

Станиславский был гениальным режиссером: его пылкий дух не знал усталости в искании новых форм театрального искусства, его творческая фантазия была поистине неисчерпаема. Но его строгость к себе как к художнику возрастала с каждым годом, и всё ревностней проявлялся в нём суровый критик собственных творческих путей, всё пламенной разгорался в нём огонь искательства.

Созданные Станиславским постановки пьес Грибоедова, Гоголя, Островского, Чехова, Горького, Мольера, Шекспира являются классическими образцами искусства режиссёра-реалиста, и в то же время любая из этих постановок может служить примером творческой пылкости и неутомимых поисков правды жизни.

Великий режиссёр, Станиславский за свою долгую жизнь создал несколько студий, этих лабораторий искусства. До последних своих дней оставался он отважным и мудрым экспериментатором, утверждая в театре тот же дух смелого новаторства, который свойственен великим русским учёным — Ломоносову, Менделееву, Павлову.

Могучий художник, Станиславский был великим мыслителем в области искусства театра. Вдумчиво и зорко искал он в человеческой природе законы актёрского творчества, и в ясности их формулировки, в простоте их выражения у Станиславского нет соперников во всей мировой литературе о театре. Книги Станиславского «Моя жизнь в искусстве», «Работа актёра над собой» давно стали достоянием мировой культуры. Интерес к ним в Англии, Америке и других странах исключительно велик. Влияние мысли Станиславского на мировой театр столь же могуче и не менее благотворно, чем влияние его художественного творчества.

С особой силой творческий гений Станиславского проявился в годы советской власти.

«Театр входит неотъемлемой частью в строительство новой жизни, — говорил Станиславский. — И в этом — моя радость, моя гордость и — моя молодость».

Пять лет

со дня смерти

К. С. Станиславского

Он, действительно, обрёл новую молодость в советские годы. Его творческая свежесть и неисчерпаемость поражали даже тех, кто знал, как умел он, «упорствуя, волнуясь

и спеша», идти к высоким целям любимого искусства.

Реформатор драматического театра, Станиславский со времени революции перенёс свою деятельность в оперный театр. В оперном театре его имени он с новой силой возродил Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Россини. Станиславский оказался таким же начинателем нового театра художественной правды в опере, каким он был в драме.

Незадолго до смерти Станиславский стал во главе новой оперно-драматической студии. С её участием — советской молодёжью — великий художник театра связал свои новые надежды на расцвет искусства.

«Я счастлив, — говорил Константин Сергеевич, — тем, что идею моей жизни осуществляет в советской стране целая театральная семья — от прадеда (Художественный театр) до правнука».

Советскому театру Станиславский ставил одну задачу — служение родине искусством.

«Артист, — учил Станиславский, — это тот, для кого театр — его сердце. Его текущий день — дело театра. Служение родине — его сцена. Любовь и постоянный творческий огонь — его роли. Здесь его родина, здесь его упоение, здесь его источник вечной бодрости».

С суровой прямотой утверждал Станиславский пред лицом всех деятелей театра — от режиссёра до рабочего сцены: «Если нет едине-

ния в красоте, — нет истинного театра, и такой театр не нужен. Если нет элементарного понимания себя и всего комплекса своих сил, как радостных слуг отечества, то и такой театр тоже не нужен, — он не будет одной из творческих единиц среди всех творящих сил страны».

С неумолимой строгостью и с горячей заботой предупреждал Станиславский: «Артист, наблюдающий окружающую его жизнь со стороны, испытывающий на себе радости и тяготы окружающих явлений, но не вникающий в сложные причины их и не видящий за ними грандиозных событий жизни, проникнутых величайшим драматизмом, величайшей героикой, — такой артист умирает для истинного творчества... Для исполнения всего, что требуется от подлинного артиста, ему необходимо вести содержательную, интересную, красивую, разнообразную, волнующую и возвышающую его жизнь».

Такова и была жизнь Станиславского. Вот отчего приведенные сейчас слова его звучат так, как будто они сказаны в наши дни, возлагающие на служителей искусства высокие патриотические задачи, предвещающие к художникам театра суровые и почётные требования.

Все, что требовал Станиславский от других, он прежде всего требовал от самого себя. Его жизнь до последнего дыхания была насыщена великим, одушевлённым трудом на благо родины, на процветание искусства. Этот труд был так упорен, так богат результатами, что вот прошло уже пять лет со дня кончины Станиславского, а он словно не уходил от нас: его творческое присутствие постоянно чувствуется в нашей жизни.

С живым вдохновением работают основанные им театры. Его «правнук» — его молодая студия — радуется своими бодрими, уверенными шагами на том пути, который проложен Станиславским к художественной правде. Много новых, прекрасных достижений занёс в свою славную летопись и «прадед» — Художественный театр: одним из них является блестящая помертная постановка Станиславского «Тартюф».

За пятилетие, протекшее со дня смерти К. С. Станиславского, вышли его книги: «Работа актёра», «Беседы», «Художественные записки», и каждая из них стала верным другом, руководителем, наставником советского актёра на путях к искусству мужественной правды и прекрасной простоты. Невозможно указать актёра, режиссёра, драматурга, который не обрёл бы новых творческих сил в общении с гениальной мыслью и артистическим опытом Станиславского, запечатлёнными в его книгах.

Образ Станиславского — прекрасный, чистый, мужественный — всегда будет, подобно Шепкину и Ермоловой, ведущим образом на славных путях русского театра.

С. Дурылин.